

В. Чивилихин
Над уровнем моря
Пестрый камень
Повести

Люди дела

Владимир Чивилихин

**Над уровнем моря.
Пестрый камень**

Издательство "Руда"

1967, 1969

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Чивилихин В. А.

Над уровнем моря. Пестрый камень / В. А. Чивилихин —
Издательство "Руда", 1967,1969 — (Люди дела)

ISBN 978-5-6042789-2-5

В книгу включены повести известного советского писателя Владимира Чивилихина. Повесть «Над уровнем моря» основана на реальных событиях, произошедших в Горном Алтае в июле 1964 года. Это история о несчастном случае в горах и об обыкновенных людях разных возрастов, национальностей, профессий и судеб, которых эта история свела вместе, каждый из которых внёс свой вклад в спасение человеческой жизни. Повесть «Пёстрый камень» — это рассказ в письмах о жизни молодого метеоролога, о его непростой работе, любви, дружбе, надеждах, увлечениях. Письма очень откровенные и заставляют задуматься об ответственности и о семье, о значении образования и о порядочности, о стремлениях и о целях в жизни. Для широкого круга читателей.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6042789-2-5

© Чивилихин В. А., 1967,1969
© Издательство "Руда", 1967,1969

Содержание

Над уровнем моря	6
1. Симагин, начальник лесоустроительной партии	7
2. Сонц, руководитель объекта	13
3. Александр Жамин, рабочий экспедиции	19
4. Виктор Легостаев, таксатор	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Чивилихин

Над уровнем моря Пёстрый камень

Люди дела

Серия книг для детей и юношества издательства «Руда»

Иллюстрации

Даниил Селевёрстов

© Издательство «Руда», 2019

© В. А. Чивилихин, наследники, 2019

© Д. С. Селевёрстов, иллюстрации, 2019

© Н. В. Мельгунова, художественное оформление, 2019

Над уровнем моря Повесть

Отлогие старые горы, и ничего кругом, кроме гор. Белые снега лежат на далеких гольцах, издалика холодят лоб. К ним тянет; хочется думать, что где-то над нами, меж тупых вершин, отгадка всего, но мы знаем: большая, истинная жизнь внизу, там, откуда мы идем, и она всегда внутри нас, со всем, что в ней есть, – с вопросами и ответами, горем и радостью, с липкой грязью и чистой водой, смывающей любую грязь...

На перевале высится обо – древняя ритуальная пирамида, сложенная из камней. Проводник-алтаец посоветовал взять у подошвы хребта камень и притащить сюда. Мы отдыхаем на виду гор и думаем о том, что первые камни в пирамиду принесены, может, тысячу лет назад, что век от века здесь, в центре материка, безвестные скотоводы и охотники по-своему – просто и мудро ковали цепь времен и что твой камень тоже лег сюда, приобщиив тебя к людям, которые шли, идут и будут идти через этот поднебесный перевал.

1. Симагин, начальник лесоустроительной партии

Издали, заглазно эти алтайские гольцы виделись утесистыми и неприступными, дикий вершинный камень рвет будто бы с гудом плотные ветра, и ни веточки, ни былинки. А тут довольно спокойные склоны, меж округлых вершин стоит первозданная тишина, по циркам спускаются рыжие и серые мхи, потом карликовая березка заплетает все, а еще ниже, у границы леса, цветут альпийские луга.

– Ух, и чудик же ты, начальник! – сказал за моей спиной Жамин. Законный чудик. Может, мы двинем, а ты тут посмотришь?..

Нет, я еще их провожу немного и, пользуясь случаем, пройдуся по лесу вон в том распадке. Снова глянул на горы, обернулся назад, в темную долину, из которой мы вылезли. Вообще надо было спешить – на привале добили последние сухари. Я-то в лагерь вернусь быстро, а им топтать да топтать... Засветло к озеру ни за что не успеют, придется еще одну ночь трястись у костерка.

Легостаев идет последним и смотрит на горы, то и дело поправляя очки. Виктор вечно тащится в хвосте, терпеливо сносит ругань, но голова у него устроена так, что на деле, в главном, ее хозяин оказывается шустрее других. Он никогда не шумит и никуда не торопится, но его кварталы всегда ажурно протаксированы, а легостаевские таблицы раньше всех оказываются в «досье» партии. И в этот раз он управился раньше других, потому я и отправил на озеро именно его.

– Порубаешь досыта, выпьешь, – завидовали ему ребята. – Сонцу в рожу плюнешь...

Легостаев морщился – он всегда морщится, когда при нем говорят о начальнике объекта, а тут были особые основания. Это по милости Сонца мы поздно забросились в тайгу, остались без связи и проводника, сели на голодный паек.

Больше месяца мы топтали нашу лесистую развальную долину. Рабочие рубили просеки, ставили квартальные столбы, валили лес для замеров и проб, а таксаторы считали, сколько из этих мест можно будет взять кубиков. Оставалось еще с недельку в тайге проторчать, а там – на базу экспедиции. Вообще-то я даже не ожидал, что мы так быстро пошабашим в этой долине, просто раньше не знал бийских «бичей». Они работали как черти, ну, и ели тоже дай боже. И так вышло, что жиров и сухарей не хватило. Легостаев должен был доставить выюком еды, а попутно отнести на базу наряды, журналы таксации и месячный отчет. Уж за что другое, а за отчет, если его не представить вовремя, Сонц потом запилит.

Одно только тревожило – этот Жамин увязался с Витькой, неожиданно потребовав расчета. Поначалу я отказал ему, но вся артель бросила работу.

– Начальник, ты нами не доволен?

– Да почему же...

– И мы хотим быть довольные. Ты уж рассчитай Жаму.

– Работы осталось на неделю, мужики!

– В том-то и все. Мы, если тебе надо, за пять ден ее переделаем, Жамин пай на себя примем, только его ты уж отпусти...

Пришлось согласиться. Легостаеву было безразлично, с кем идти, но я досадовал на свою слабость. И весной, в Бийске, тоже уступил нажиму. Этих шабашников порекомендовал мне на товарной станции какой-то геолог:

– Смело нанимайте, если срочная работа! Конечно, это особый сорт трудящихся, однако за деньгу все сделают, как надо. Я передам с моим завхозом?

А рано поутру явился в гостиницу посетитель. Он был небрит, как-то смят весь, будто его побили, дышал в сторону – видно, заложил с утра.

– Какая работа? – сразу приступил к делу гость.

- А сколько у вас людей?
- Сколько надо, столько и будет. – Голос посетителя был независимый, даже недружелюбный, и с хрипотцой. – Работа сдельная?
- Ну да, по нарядам.
- Спецовка есть?
- Резиновые сапоги, комбинезоны, спальные мешки, – перечислял я, с грустью думая: «Если все они такие, что делать буду?» – Рукавицы, накомарники...
- В накомарниках работать, – перебил он меня, – как все равно... Ладно, к обеду соберу. Через несколько часов он действительно принес десяток потрепанных паспортов.
- Мы на дворе...

Я полистал документы. Некоторые из них можно было хоть в музей. «Этого не возьму», – твердо решил я, рассматривая странички паспорта, до черноты заляпанные печатями. Судимость, брак заключен, расторгнут, Колпашево, Канск, Астраханская область, Междуреченск, Тува... С неясной, потертой фотокарточки смотрели угрюмые глаза, и эти морщины у губ я будто бы где-то видел. Жамин Александр Иванович, 1938 года рождения. Нет, не знаю...

- Жамина не возьму, – сказал я с крыльца. – Кто Жамин?
- А я Жамин и есть, – встал утренний гость. – Почему не возьмешь?
- У вас же тут сплошные печати, некуда нашу поставить.
- Меж печатей и поставишь.
- Без Жамы не согласны, – подал голос один из шабашников и тоже поднялся. – Пошли, робя! Только к тебе, начальник, люди в Бийске не наймутся, если ты нас не взял...

Взял. Лесную работу они знали, а водки в партии не было. Жамин с двумя приятелями попал как раз к Легостаеву. Все они больше месяца спали и ели у одного костра, и на мой вопрос относительно их надежности Витек неохотно, отвлекаясь от каких-то своих мыслей, ответил:

- А что именно, товарищ Симагин, вас интересует? Нормальные люди...

Второй сезон я предлагаю ему перейти на «ты». Неужели десятилетняя разница в возрасте так разобщает людей? Нет, скорее всего, тут особая интеллигентская пижонинка. Из-за нее же он и бреется каждый день, хотя все мы на полевых отпускаем бороды и довольны – возни меньше, да и комар не так кусает.

Опять он отстает? Понятно, горы смотрит. В долину нас кинули вертолетом, летели мы над рекой, и горы оставались где-то вверху. Сейчас, вблизи, их интересно посмотреть. А воздух-то здесь какой! Сухой, невесомый, будто его нет совсем. Он был тут сам себе хозяин – тек неслышно, свободно омывая пологие хребты. И не надышаться им досыта.

А наша сырая, темная долина совсем не продувалась. Будто нарочно стогняло в нее тучи; а когда приостанавливались дожди, то ночные туманы насквозь пропитывали все. Случалось, выпадали ясные дни и ночи, но росы на безветрии держались крепко – почти весь день потом скатывалось по плечам. Вода сочилась по склонам долины, во мхах и лесной подстилке стояло невидимое озеро, и вечно хлюпало под сапогами. Да и сам воздух там будто наполовину состоял из воды.

Но почему здесь так сухо? От близости солнца, теплого ветра или оттого, что редок воздух? Да, влага быстро испаряется тут, и все живое бьется за нее. Главная боевая сила, конечно, эти вот густые заросли березки. Листочки у нее мелкие, жесткие, кожистые, чтоб испарять меньше. И ветров она не боится – черенки упруги, как стальные пружины, ветвятся густо. А полог будто подстрижен. Наверно, это для того, чтобы ветер скользил над зарослями и не выпивал зазря скудный водный паек. Кое-где березки заплели тропу на уровне пояса, и приходилось с усилиями продираться сквозь них.

- Дайте ваш ножик, Саша, – догнал нас Легостаев.

– Зачем? – Жамин достал из кармана финку. Виктор на ходу стругнул и показал нам тонкий черенок. Годовые кольца не различались на белом как мел срезе.

– Знаете, сколько этой березке лет?

– А зачем? – спросил Жамин.

– Сто, – Виктор сунул палочку в карман пиджака. – Сто лет...

– Свистишь! – Жамин забрал нож. – Зачем она тебе?

– Просто положу на стол и буду на нее иногда смотреть.

– Ну и что? – Жамин поглядел на нас с презрительным снисхождением.

– И думать, что этой палочке сто лет.

– Чудики вы все! – махнул рукой Жамин.

Виктор засмеялся, я тоже. Пошли дальше. Березка кончилась, и запахло травами. Я пустил Жамина вперед по прямой, битой тропе, а сам пошел рядом с Виктором, чтоб вместе посмотреть луга. Не знаю, чем уж занимали эти цветы Легостаева, просто мы оба, наверно, стосковались в нашей тенистой долине по воздуху, простору и краскам.

Вот купальница, сибирский огонек, его полно не только на Алтае; крупные, под цвет жаркого костра бутончики потеряли весеннюю упругость и начали уже осыпаться. А вот желтый альпийский мак, не такой, как культурный, попроще, но тоже хорош! А это – куропаточья трава? Рубчатые листочки идут прямо от корня и обрамляют светло-желтые чашечки. А тут какие-то свежие, как утренняя заря, цветки с золотым солнышком внутри. Нет, деревья мне больше знакомы! И эту скромную красавицу с пятью узкими ярко-оранжевыми лепестками тоже не знаю. Сорвать?

– Ветреница и горечавка, – сказал Виктор, взглянув на мой букетик. Хороши!

Да, это тебе не долинные папоротники и хвощи! Те, как умирающее, выродившееся племя, не живут, а глеют – ломкие, слабые, без цветов и запаха. А тут, наверху, все цветет, и больше всего желтых, канареечных, оранжевых красок – солнце повторяло себя в бесчисленных золотых кругляшках. И пахнут альпийские цветы по-особому – нежно и стойко. Борьба за жизнь. Опыляться-то надо, вот они и стараются, чтоб пьянели в их чашечках редкие по этим местам насекомые.

– Но вы не туда смотрите, – тронул меня за плечо Легостаев. – Вот это стоит внимания.

Виктор пропускал сквозь пальцы метелку каких-то стеблей, густо унизанных маленькими мягкими листочками. Цветы были тоже мелкие, желтые, как их соседи, и пахли неуловимо тонко.

– Говорят, лезет в землю и камни – не выдерешь. Эту штуку долго секретили...

– А что это такое?

– *Rhodiola rosea*. Золотой корень. Вроде женишени.

– А почему секретили?

– Думали, от лучевой болезни, а он от всего помогает. В поселке за пятерку уже можно купить корешок и рецепт.

– А разве вы не говорили с ребятами из ботанической экспедиции?

– Надо будет накопать перед отъездом, – сказал я, в который уже раз пасуя перед Легостаевым.

Конечно, я слышал весной в поселке, что собирается в горы какая-то экспедиция, но, честное слово, в голову не пришло поговорить с ними. Просто лень ума, хотя я крутился тогда изрядно – сборы, то, се. Рабочие доставляли изрядно хлопот, этот вот Жамин...

Жамин шел впереди, не оглядываясь, гремел сапогами по камням. С чего это он вздумал рассчитаться до срока? В лесу претензий к нему не было. Артель его слушалась, да и сам он ворочал что надо. Но в поселке Жамин выкидывал номер за номером.

Мы застряли на центральной базе экспедиции. Сначала ждали грузов, которые Сонц поздно отправил, потом экипировали партии. Барнаул долго не давал вертолета, хотя рейс был

давно оплачен. Аэродром отговаривался, что много машин на профилактике, а когда передали готовность, начались дожди, и пришлось больше недели ждать окна в небе. Тучи ходили над озером и мели воду мокрыми хвостами.

Партия сидела на тюках; даже на рыбалку нельзя было сплавить, потому что каждый час синоптики могли дать погоду.

Рабочим надоело безделье и безденежье, они потребовали второго аванса. Я составил Сонцу ведомость; и тут у него началось с Жаминым. Накануне пришел на Жамину исполнительный лист.

– Ты не вычитай с меня, начальник, – не то попросил, не то потребовал он.

– Как это «не вычитай»? Вы что – первый год платите? – Наш Сонц любит вот так беседовать с людьми – ставить вопросы, не ждать на них ответов и снова спрашивать. – Порядков не знаете, товарищи? Как это «не вычитай»?

– А так, что не вычитай, – едва смог вставить Жамин.

– Как я могу не вычесть? – Сонц окидывал его победоносным взором. А потом что – из своей зарплаты платить? Нет, вы поняли мою мысль? И разве детей бросать положено? У меня их тоже четверо, почему же я их не бросаю?

– Сына я не обижаю... Из расчета все вычтешь, аванс не трожь.

– А до расчета ваши дети голодать будут? Вы поняли мою мысль?

Жамин сверкнул глазами, ушел.

К ночи дождем залило поселок. Мы уже спали в домике, арендованном у леспромхоза под базу экспедиции, когда под окнами появился Жамин.

– Эй, выди кто-нибудь – кишки выпущу! – сипло кричал он в темноте. – Я таких давил и давить буду. Выди, выди кто-нибудь!

– Завтра не успеем поговорить? – закричал Сонц. – И как только такие могут воспитывать детей?!

Жамин долго еще трещал забором, шлепал в лужах под окнами, скрипел зубами и бормотал у дверей, мешая спать. Первым потерял терпение Легостаев. Он вышел с фонариком на крыльцо, осветил Жамину. Тот сидел на верхней ступеньке, мокрый весь и босой. Я тоже поднялся на всякий случай и видел из сеней, как Витек сел рядом с Жаминым под дождь.

– Не надо только меня давить, – сказал Легостаев. – И резать не надо. Вы что шумите?

– Да разве с ними сговоришься? – тоскливо протянул Жамин трезвым голосом.

– А сапоги-то пропили? – засмеялся Виктор.

– Сразу выдерут за все.

– Обувайте мои да идите спать.

Разбираться с этим случаем было некогда – рано утром над поселком зарычал вертолет. Наверно, неожиданно дали погоду, и надо было срочно грузиться. Жамин хватал ящики потяжелее и не смотрел на нас. Перед отлетом вышел к вертолетной площадке Сонц.

– И этого берешь, Симагин? Ты его сам нанимал? Документы у него хоть в порядке?

Я торопливо кивал, думая об одном – быстрее оторваться от земли, чтоб Сонц вместе со своими разговорами пошел вниз, уменьшаясь, чтоб тайга поскорей с ее вопросами, неотвязными и большими.

Сейчас работа в долине была, можно сказать, позади. Остаток лета и осень уйдут на камералку, расшифровку и сведение данных таксации с аэрофотоснимками, а зимой надо выдать итоговую цифирь и схему освоения здешних лесов. Да, как-то незаметно и ловко это вышло, что все стали называть то, что начнется в этих долинах, освоением. Завоют бензопилы подваливая без разбора старые и молодые, здоровые и больные деревья, взревет трактора, зачадят костры, сжирая вершинки, сучья, окомелки. Особенно страшно падут в долине первые, самые крепкие, останавливающие ветра деревья. Непременно первым, для пробы, будет кедр. Он стоит под пилой недвижимо, как стоял до встречи с ней двести лет. Но вдруг содрогнется весь, качнется и рухнет, со стоном осадив землю. Вершина его ляжет вниз по склону, ее зачокеруют, и трактор поволочит великана к реке, раздирая лесную почву. Полой водой бревна поднимет, понесет вниз, раздевая на перекатах и шиверах.

«А как же иначе?» – спросит Сонц, и я промолчу, а Легостаев поморщится. Мы могли бы спокойно объяснить, как можно сделать иначе, да только Сонц не даст закончить, начнет канючить, как запавшая патефонная игла: «Стране нужна древесина или нет? Шахты и стройки останавливать? Нет, ты понял мою мысль? Консерватором заделался, Симагин? Влияние Быкова? И молодежь путаешь? Разве это разумно – консервировать ресурсы народного хозяйства, гноить древесину, если ее в дело можно пустить? Защищать старую, перестойную тайгу? Рубить ее надо, товарищи, рубить!»

Но правду сказать – не в Сонце дело. Перед отъездом начальников партий вызвали в Москву. Такого сроду не бывало – лесоустроителям всегда хватало своего начальства, и уж оно имело дело с главком. А тут позвали. Разговор был интересный. Скорее не разговор, просто устная инструкция: «Товарищи! Работа срочная и очень важная. Надлежит выявить все ресурсы древесины, установить максимальный размер пользования. Закладывайте сплошные рубки – леса там перестояли, вываливаются. Мы на вас серьезно рассчитываем. В конце сезона будет премия, если, конечно, уложитесь в смету...»

А уже здесь, на Алтае, Сонц толковал с каждым начальником партии конкретнее и просил нас провести соответствующие беседы с таксаторами. Он говорил, что лесоустроитель не

может поступиться своей инженерной честью. Сонц это может таксаторами хватануть словом. «Искусственное завышение запасов древесины – дело скользкое, товарищи, – вещал мне Сонц так, будто ему внимала целая аудитория. – Только обязательно надо принять возраст рубки по количественной спелости. Это мы, дескать, вправе сделать. Расчетная лесосека сразу возрастет. Кроме того, надо учитывать, что склоны тут разной крутизны. На двадцатиградусные могут подниматься трактора, а выше можно применять лебедки. И пусть у нас голова не болит из-за того, как с крутяков брать древесину, не надо, товарищи! Наша задача показать в принципе возможности этих долин...»

Мы поняли его мысль. Когда я поговорил с Легостаевым, он поморщился, вышел из моей штабной палатки и углем написал на полотне: «Рубить всегда, рубить везде – вот лозунг мой и Сонца!» Легостаев незаметно возрождал во мне надежду. Я снова стал думать, что бороться за правильное лесопользование еще можно, если есть такие подпорки, хотя мне надо приготовиться к очередным неприятностям. В долине Виктор все считал по-своему. Размер пользования у него получался небольшой, однако научно обоснованный до тонкостей, не подкопаешься. Другого я от него и не ожидал. Это будет горькая пилюля Сонцу; только главные события, как я понимаю, развернутся дома, зимой. Конечно, я поддержу Виктора, но что я могу? И для Быкова идеи Легостаева – бальзам на его старые раны, однако Быков сейчас не у дел...

«Тайга!» Я очнулся, ощутив легкий шум и встречный ток прохладного воздуха, будто всходила впереди дождевая туча. Как и по ту сторону перевала, деревья на границе леса росли кривыми, корявыми, ветры вытянули их кроны флагами. А вот на продуве пихтушечка стоит расчудесная – нижние ветки ее, должно быть, приваливает снегом, они укоренились, пустив вертикально верхушечные почки, и вот целая семья уже окружает веселым хороводом свою родительницу, и никакой ветер им всем вместе не страшен теперь.

Перевальное седло незаметно перешло в широкий распадок, и прямо под ногами синела падь. В самой своей глубине она была почти черной. Кыга, что ли? Справа поднимался небольшой перевал, и туда вела тропа.

– Не стоит вам, пожалуй, ноги бить. – Легостаев догнал меня и протянул руку. – Этот массивчик я сам посмотрю. Давайте чемодан.

– Ну ладно, – согласился я. – За перевалом начнется скат к озеру, и вы берите правей. В Кыгу не спускайтесь, верхом и двигайте – гольцами, тропой.

2. Сонц, руководитель объекта

Меня первого, когда пойдет разбирательство, притянут, по тому что я, как руководитель объекта, персонально отвечаю за безопасность работ. Наплести можно, это смотря как взяться. Нехватка продуктов – на меня, хотя Симагин мог бы поэкономнее обойтись с жирами и консервами. Необеспеченность партии рацией – тоже на меня. Но зачем я буду им давать дорогую аппаратуру, если нет человека, который умел бы с ней обращаться? И еще могут сказать – поскупился, мол, на проводника и вертолет постоянной аренды. А все это дела непростые. Вертолет, например, стоит сто двадцать рубликов в час. И проводника я правильно снял; он Симагину совсем был не нужен в долине. Я же не для себя, для всех старался, потому что перерасход средств лишит премии не только экспедицию, но и тех, кто над ней.

А с Жаминим, когда он один вылез из тайги, я правильные меры предосторожности принял. Приходится быть в жизни осторожным. И тоже не из-за себя. У меня на шее четверо детей, это надо понимать. В конце концов, человек живет на земле ради своих детей.

Сам я выходец из мещан, как раньше называли это сословие. Хлебнул всякого, особенно в молодости, когда понял, что надо учиться. К сожалению, перед войной, на студенческой скамье, женился. Взял ее с пятилетним ребенком и за всю жизнь ни разу не попрекнул, чтоб она это ценила. Я считал, что со временем смогу вырастить из ее сына достойного гражданина страны, однако с детьми не всегда получается так, как хочешь, и это громадный вопрос.

Заниматься с сыном-приемышем у меня тогда времени было мало – зимой учеба, общественная работа, а летом – в лес, на таксацию. Жена тоже работала, и сын часто бывал у бабушки.

Он рос очень капризным, и это поддерживалось родственниками жены. Например, он всегда ел первое без хлеба. Несколько раз я делал замечания, а однажды дал хлеб и сказал, чтобы он его обязательно съел. Сын не послушался, а когда я попытался заставить, то бабушка начала обвинять меня, будто я кормлю ее внука сухим хлебом. Или другое. Если с ним шли гулять, то обязательно неси его на руках, пятилетнего. В противном случае он побежит в другую сторону с истерическим криком. Он всегда самовольно брал сладости, которые очень любит до сих пор, несмотря на свои двадцать девять лет.

О военном периоде говорить не буду. С предпоследнего курса я ушел на фронт, а когда вернулся, сын уже ходил в школу. Учился он так: проследишь хорошо, а нет – плохо. Потом начались пропуски занятий, стали пропадать деньги, облигации, вещи, особенно в трудные послевоенные годы. Видя все это, мы отдали его в ремесленное училище, которое он окончил, получив специальность токаря.

Начал работать на судоремонтном заводе, но прогуливал и часто опаздывал на работу, за что его судили. Во избежание дальнейших неприятностей мы настояли, чтобы сын пошел на флот – как бывший фронтовой офицер я считал, что служба научит его жизни, но вышло наоборот.

Перед отъездом сына в армию я предложил ему взять мою фамилию, чтоб она ему напоминала обо мне и моей заботе. Но он не только не сделал, как я хотел, но даже не узнал, через какие организации это делается. Потом уже сказала мне жена, что ему не нравится моя фамилия – Сонц. А чем плохая фамилия? Не такие бывают.

Прослужив более пяти лет, сын так и вернулся матросом. Учился по моему настоянию в школе механизации сельского хозяйства, потом в вечерней школе, но все без толку. Сейчас работает на грейдере, часто приходит выпивши, заявляя, что иначе не дают хорошей работы. Приносит зимой до семидесяти рублей, а летом больше сотни. Машина тяжелая, тряская. Это, плюс постоянные выпивки, привело к заболеванию желудка, но сын не слушает советов – не лечится. Я настаиваю, чтобы он шел учиться в техникум, а сын заявляет, что надо кому-нибудь

работать и на тяжелых работах. На мои доводы о том, что после учебы я получал вдвое больше квалифицированного рабочего, злится. Механически выбыл из рядов комсомола, не вступил в профсоюз, нелестно отзываясь о передовиках производства и коммунистах.

Человек неглупый, он имеет нетвердый характер. Часто обещает выполнять мою подчас совсем пустяковую просьбу, но не выполняет ее, а на мои замечания молчит или морщится, совсем как таксатор Легостаев, с которым сейчас неизвестно что в тайге.

Нет, во всем виноват начальник партии Симагин, да и сам Легостаев тоже. Почему Симагин отпустил человека с бандитом, а человек согласился идти с бандитом? Помню, я еще весной говорил: «Товарищ Симагин, зачем ты нанял эту темную личность?» Я-то им, «бывшим», никогда не доверяю. Мало ли что может случиться в тайге! Часто даже приличный человек сам не знает, на какой поступок он способен в связи с обстоятельствами. Эта моя мысль понятна.

И вот я говорю Симагину: «Зачем, мол, ты эту личность взял? Разве в Бийске нельзя найти рабочих любого качества?» Он молчит, а Легостаев, который был тут же, говорит: «Генрих Генрихович...» – меня зовут Генрихом Генриховичем – «Генрих Генрихович! – говорит Легостаев – оставьте это». И морщится. Он всегда морщится, если я его или Симагина припру.

С Симагиным я довольно часто ругаюсь, но личного между нами нет ничего. Просто Симагин любит жизнь людям портить, прикрываясь принципиальностью. Один раз даже самому начальнику «Леспроекта» направил бумагу, хотел пустить насмарку годовой труд всей экспедиции. Он считает, что мы в принципе неправильно обращаемся с лесным фондом. Я ему говорю: «Выходит, вся рота идет не в ногу, ты один в ногу?» – «Это демагогия», – отвечает. «Слушай, – говорю я, – в «Леспроекте» пять тысяч инженеров, которые тоже не первый год по лесам лазят, а ты один такой?» – «Не один, – говорит он. – Быков, Легостаев и другие, которые пока молчат». Это он о нашем Быкове, который изработался, отстал от жизни. За кляузы его снимали со всех мест и держат на технической работе до пенсии. Симагин тогда оборвал этот разговор, а Легостаеву я потом прямо сказал, что если его друг-приятель лишит весь коллектив прогрессивки, то люди этого не простят.

«Сорвется он когда-нибудь, – говорю, – на какой-нибудь мелочи». В прошлом году так и получилось: Симагин подписал материалы, в которых из-за машинистки прошла цифровая ошибка на один порядок. Машинистка-то могла ошибиться, но ты подписываешь – смотри! Дали ему строгий выговор, и он молча снес его, потому что возразить было нечего. А в этом году Симагин заметно присмирел. Весной за одну его небольшую оплошность я сделал замечание Легостаеву, но Симагин понял, что мои слова относятся к нему, однако смолчал. Не тот стал Симагин.

И вот он сорвался уже по-крупному. За это чепе под суд пойдет, если что-нибудь крайнее случилось с Легостаевым. Ведь в нашем деле надо предусматривать всякую мелочь. Взять, например, одежду. Симагин как накинёт спецовку в городе, так и не снимает до конца полевых работ. И моду взял не бриться летом. Ладно, если рабочие, студенты-практиканты или даже рядовые таксаторы отпустят бороды, но начальник партии не раз за сезон вынужден обращаться и в райком, и в аймакисполком, и в другие организации. А людей надо уважать и знать. Даже в правлении колхоза на тебя по-другому смотрят, когда ты подтянут и чисто выбрит. Тут нет ничего такого, просто жизнь, практика, опыт. И документы предъявишь, и деньги наличными пообещаешь, но если ты бродягой пришел, не дадут лошадей – и все. Скажут, что все они в табунах или не приспособлены к вьюку, гужевые, и спины у них чересседельниками попорчены.

Конечно, мне возраст помогает. Когда люди видят, что пришел человек солидный, в годах, – совсем другое отношение. Кроме того, я все стараюсь предусмотреть, вплоть до одежды. Сапоги нужны, да не кирзовые, а хромовые, чтоб в любую грязь блестили, если пошел чего-нибудь доставать. Синие галифе обязательны и суконный китель. И хорошо еще форменную фуражку с глянцевым козырьком, а также планшет на ремешке. Я понимаю – все

это мелочи, но помогают они хорошо. Открываешь дверь в правление и уж чувствуешь – ты хозяин положения. Не откажут ни в проводниках, ни в муке, ни в лошадях. Входишь и сразу руку председателю: «Сонц, руководитель объекта!» Он даже приподнимется и не садится, пока сам не сядешь. Хорошо еще канистру спирту иметь в экспедиции. Я, конечно, сам не пью, но эта простая предусмотрительность может выручить из самых тяжелых положений. Даже вертолет можно достать безо всякой очереди. Надо знать людей – эта моя мысль понятна.

С чужими, между прочим, всегда проще поладить, чем с близкими. Вот взять даже не экспедицию, а снова моих детей. Как я их знаю, никто не знает, но не всегда у меня ладно с ними.

Старшая моя дочь окончила среднюю школу на «хорошо» и «отлично». Я настаивал, чтобы она готовилась к экзаменам в медучилище, а она доказывала, что и так выдержит. В итоге – двойка и слезы. По комсомольской путевке устроилась на промышленную стройку разнорабочей. Я требовал приобретения профессии, но дочь отвечала, что ей нужен только стаж. По моему настоянию она все же получила специальность штукатура, по которой и работала до вступления предприятия в строй, куда потом перешла учеником прессовщика, решив учиться на инженера пластических масс.

За два года дочь дважды кончала подготовительные курсы, наконец, подала документы на заочное отделение и первый же экзамен провалила. В результате снова пошла работать. Разговаривая с дочерью, я и жена не раз внушали ей, что ее подруги уже на третьем курсе институтов, в техникумах, а она этого совсем не переживала и отвечала одно: «Что за претензии, я же работаю!»

Как она будет жить дальше, не знаю. Ее отношения со мной переходят в полное непонимание, а в чем тут дело, не разберусь. Неужели причина этому мои указания учиться и выполнять несложные обязанности по дому, которые положены дочерям? Помню, раз она ответила мне такой грубостью, что я даже задохнулся, а потом сказала матери, что она не права в выражении, и та посоветовала ей извиниться. Дочь отказалась извиняться, так как я, дескать, буду смеяться, а я и забыл, когда смеялся последний раз. Через день дочь одумалась и подошла. «Папа, извини». Я ответил: «Что же извинять? Раз ты поняла свою ошибку, не повторяй ее». Она резко повернулась и, сказав: «Не извиняешь – не надо», ушла, то есть фактически снова нагрубила мне.

Кроме хороших советов, она никогда ничего от меня не слышала, но я так и не разобрался в мотивах ее поведения, а это очень важная вещь – понимать поступки людей. В этом вот случае, например с Жаминым и Легостаевым, могло произойти все и по разным причинам, но есть один очень логичный мотив. Какой? Еще до отъезда в тайгу передавали мне разговор Жамин с кем-то из наших. Он, видите ли, мечтает достать новые «ксивы» – по-ихнему, по-блатному, так называются документы. А почему Жамин мог пойти на преступление ради завладения паспортом Легостаева? Они одних лет, а фотокарточку заменить находятся такие специалисты, что ничего не заметят и в институте криминалистики.

Жамин-то у меня с первого взгляда вызвал подозрения, еще весной. Глянул ему в глаза и подумал: «Зверь ты, парень, зверь клеточный!» Этих, кто баланду хлебал, я определяю сразу. По глазам. И углы губ у них обозначены морщинами, и плечи висят. В итоге я прав оказался – уголовник, алиментщик, хам, за нож хватается. Грозился меня пырнуть, представляете? А как я могу не вычесть по исполнительному листу? Для детей-то! Я это еще как понимаю, потому что у меня самого их четверо...

Перейду к этому ЧП. Кой-какие меры я сразу принял, получив радиogramму из Беле. Послал за милиционером – он тут на все озеро один. «Пожалуйста, – говорит, – только мне нужно указание из района». Какие безобразия у нас все же творятся! Казалось бы, с милиции должен начинаться порядок, но что получилось на деле? Звоню из поселка в район, докладываю так, мол, и так, звонит руководитель объекта Сонц, нужно арестовать одного человека.

«Кого?» – «Рабочего из Бийска Жамина». – «Знакомая птица. Он у вас? А в чем дело?» Объясняю. «А где случилось происшествие?» – «Где-то на Кыге», – говорю и слышу в ответ: «Мы этим делом заниматься не будем». «Почему?» – «Не наш район».

Вот уж никогда не думал, что в милиции тот же бюрократизм! Это верно, что партия Симагина работала на территории Улаганского аймака, но, чтобы пробиться к ней из Улагана, надо несколько суток тащиться по Чулышманской долине на лошадях, потом по озеру и снова в тайгу. Есть другой путь, но им не легче – по Чуйскому тракту через Семинский перевал до Горно-Алтайска и Бийска, и тут машиной триста километров, если не будет вертолета, а его не будет точно в такие дожди. Я все же требую послать радиogramму в Улаган, но из района отвечают: «Посылайте сами, дело от вас исходит».

Конечно, если б я сам прибыл в район да зашел куда следует, живо бы зашевелились, но мне надо было сюда ехать, на место. Какие все же формалисты! Как бы там ни было, преступник-то на территории этого района! Кто его должен арестовывать? Позвонил я прокурору, но его не было, вызвали в Барнул. А тут такая связь, что нервы другой раз не выдерживают. Бросил я это безнадежное дело, послал радиogramму в Беле, чтобы все наличие людей немедленно уходило в тайгу, на поиски. Кроме того, заказал вертолет и попросил обком партии, чтоб помогли его скорей выбить. Сам сел на катер и поплыл. Какого это числа было? Да, девятого, в четверг.

Шестьдесят километров, далеко ли. Прибыл. Мои все в поисках, а этот Жамин тут. Убежать ему некуда, хотя он поначалу и рвался в тайгу. И зря удерживали – он сразу бы свою вину обнаружил. Смотрю на него и опять думаю: зверь! Глаза едят просто, и рожа вся зачернела под черной щетиной. Брови рассечены, глаз один заплыл, а под ним желтое пятно. Очень может быть, что они там, в тайге-то, из-за пустяка поссорились, а все эти «бывшие» свирепеют моментально и не помнят себя. И тут еще одна подробность – у причала шепнули мне, будто у Жамина отобрали нож, посмотрели под лупой и заметили кровь. Короче говоря, дело темное, даже очень.

Что ж, милиции нет, но порядок-то должен быть. Собрал я кой-кого из здешних и сразу снимаю допрос. Он сидит на земле, на меня не смотрит, все на озеро да на горы, только иногда как глянёт в глаза – ну, думаю, не хотел бы я с тобой в тайге вдвоем остаться, без свидетелей.

– Расскажи, как было дело, – говорю я, покончив с обязательными формальными вопросами, но подозрение закралось сразу, потому что он начал что-то крутить с фамилией – будто он и не Жамин. – Рассказывайте по порядку!

– Да что рассказывать-то? – отвечает. – Я думал, он давно здесь.

– Вы подрались там?

– Вот еще!

– А почему же лицо у тебя побито? А? Почему?

– Почему, почему!..

– Ну? – не отстаю я.

– Ночью лез по круче и ободрался.

Чувствую – врет. Царапины были бы, а у него кровоподтеки, и глаз заплыл. Про глаз он сказал, что клещ в тайге впился, но я сразу понял, что он крутит. Нет, надо его щупать разными вопросами.

– Вы зачем шли?

– Жиры и сухари кончились. Из консервов одна стуженка осталась, и то не хватит.

– А работы там еще много?

– Начальник говорил, что на неделю, самое большее – на десять дней.

– Так. Но ты не ответил на вопрос. Ты-то лично почему ушел из партии?

– Расчет брать.

– Раньше срока?

– Ну да.

И тут я понял, что начинаю ловить его. Какой-нибудь вопрос все равно должен был его раскрыть, а как же иначе? Смотрите – он же не мог брать у меня расчет, если наряды не закрыты, а все они в партии. Без денег этот народ не уходит. И паспорт его был передан Симагину, а куда он без паспорта? Я решил постепенно вести допрос. Спрашиваю:

– Как же ты без расчета ушел?

– Инженер нес ведомость.

– Может, ты даже знаешь, сколько тебе причитается?

– Без вычетов двести десять рублей с копейками.

– За месяц?

– А вкалывали-то мы как?

– Это еще надо проверить... Ладно, говори, где Легостаев?

– А я знаю? Кричал, кричал – там река шумит...

– Какая река?

– Кыга, не Кыга...

– Почему не Кыга?

– А я знаю?

– Ну хватит, Жамин, – решил я поближе к делу. – Давай-ка паспорта.

– Какие паспорта?

– Твой и Легостаева.

– У меня их нет.

– Где же они?

– У него... И журналы таксации у него. Брось, товарищ Сонец, надо искать идти, а вы тут второй день меня держите.

Это он меня так назвал: «Сонец». Ишь ты, товарища нашел!

– Гражданин Жамин, – сказал тогда я. – Мне одно не ясно – зачем ты решил взять досрочный расчет. А? Молчишь? Почему раньше срока от артели ушел?

Он посмотрел по сторонам, и видно было, что ему все на свете противно.

– Вы поняли мою мысль?

Он продолжал молчать. И тут я решил прямо спросить его насчет ножа.

Подожел к нему, руки на плечи положил и гляжу в глаза. А все остальные смотрят на нас.

– А про финку, – говорю я, – ты забыл?

– А что? – вроде растерялся он. – Ваши ее отобрали.

– Знаешь ли ты, что на ней следы крови остались?

Тут он вскочил, опять посмотрел на всех своими бешеными глазами, на меня тоже, и сел.

– Под срок подводите?

– Сознаешься? – в упор спросил я его. И тут он меня матом. Длинно и заковыристо, а сам чуть не плачет.

– Тихо, тихо, – говорю я ему. – За все ответишь. Иди, гуляй пока...

Он пошел через огород к чуму, а я стал думать. Все выходило хуже некуда. Тут еще деловые соображения нельзя было откидывать. Беда с Легостаевым – большая беда, но если пропадут журналы таксации – значит всю работу в долине придется повторять. В этом году уже не успеть и, кроме того, грозит огромный перерасход денег на перетаксацию. Вообще-то с Симагиным и так назревала проблема – все партии уже работу закончили, начали выбираться из тайги, а эта, самая дальняя и важная, затянула сроки; и у меня все время болит душа, что они там не так посчитают размер пользования, и подрежут под корень экспедицию.

И мне грозят серьезные осложнения перед пенсией. Даже боюсь думать о моих детях. Я всю жизнь делал для них все, что мог, и случись сейчас что-нибудь со мной, как это скажется на их судьбах? Дороже детей нет ничего на свете, хотя у меня и есть к ним отцовские претензии.

Вторая моя дочь закончила девятый класс. Учится она неровно – то пятерки, то двойки. Бывает, что ведет себя плохо на уроках, о чем говорят записи в дневнике. Эта дочь пяти лет заболела костным туберкулезом позвоночника, четыре года прележала в санатории, а потом ходила в корсете. Дома ей уделяли основное внимание, позволяли делать все, что разрешали врачи, баловали сладостями и ничем не загружали по дому. Видимо, это все вошло в ее характер. И хотя она уже взрослая, но продолжает поступать так, как хочет. Заставить ее сделать что-нибудь по хозяйству – целое событие, хотя я предлагаю ей только подмести полы, стереть пыль или помыть посуду.

Свой дальнейший путь еще не определила. На мои указания о плохом поведении в школе или дома отвечает вызывающе, а с матерью разговаривает так, что не поймешь, кто кого отчитывает. Окончила курсы кройки-шитья и переделывает свои платья так стильно, что стыдно за нее становится, и хочет остричь волосы, чтобы сделать хвост. За любой поступок мы дочь никогда не наказывали, а она этим пользуется. И хотя на ее лечение и воспитание мы затратили много средств, энергии, слез, она этого не ценит.

Я первый человек в нашем роду, получивший, хоть и не законченное, но высшее образование, и хотел, чтобы и дети мои пошли по стопам отца. А я даже в младшем не вижу такого стремления. Шестой класс он окончил с двойкой по русскому и оставлен на второй год.

Никто из моих детей не имеет пристрастия ни к какому ручному труду или ремеслу – рисованию, музыке или еще чему-нибудь – и читают только шпионскую литературу, от всякой же другой отмахиваются – неинтересная. А младший вообще ничего не читает и ни к чему не стремится, кроме плавания в бассейне, куда он мной был отведен четыре года назад и сейчас получил юношеский разряд. Старшая дочь занималась фехтованием, но забросила. Сын-приемыш – неплохой шахматист, но тоже ничего не делает.

Физически грубым с детьми я никогда не был, но замечания о беспорядке в квартире, как человек, любящий порядок, делаю часто. Я желаю одного – чтоб дети мои учились, имели более широкий кругозор, чем обычный рабочий, больше приносили пользы государству, а не только у станка или на агрегате. Как мне заставить их идти вперед по жизни?

Конечно, образование – это еще не все. Нужно всегда иметь в виду перспективу жизни и делать все так, чтоб тебя не мяло. Вот, например, взять эту нашу экспедицию. Есть задание – выявить тут максимальный размер пользования. А ведь его можно считать по-разному. Боюсь, что Симагин в своей долине брал только первую категорию доступности, не учитывал леса на крутых склонах. А Легостаев, как мне передавали, прямо заявил: «Никакой я премии не хочу, буду считать так, чтобы потом не посадить леспромхозы на мель». Но ведь леспромхозы начнут здесь работать через десяток лет, когда техника изменится, и с крутяков можно будет дешево брать кубики. Значит, мы обязаны установить размер пользования в перспективе. Иначе никто не получит прогрессивки, это же ясно.

Но наши противоречия никак не должны отразиться на теперешней ситуации. За свои ошибки Симагин ответит, когда время подойдет, а пока надо срочно посылать ему вертолет с продуктами. Это раз. И придется, видно, вызывать из поселка еще людей – два. В-третьих, самому возглавить поиски Легостаева. Попрошу у лесничего алтайцев, пусть снимет их с покосов. Уж они-то эту тайгу всю облазили. Надо найти Легостаева живого или мертвого. Уже три дня, как случилось несчастье. Нет, Симагину все это даром не пройдет!

3. Александр Жамин, рабочий экспедиции

Сперва я даже не допер, что этот Сонец мне дело клеит. А когда он закинул насчет моей финки, я сдрейфил. Можно запросто сгореть и на такой чистой туфте, если с инженером чего-нибудь. А с ним вполне. Выкатил, поди, свои zenки под стеклами да подыбал в другую сторону. Петли вить по этим буграм, гори они ясным огнем, только начни!

Экспедиционники в Беле мне с самого начала не поверили. А я на первый день крепко надеялся, думал, что вот-вот Легостаев вылезет к озеру. Когда назавтра Сонец появился, я думал с ним потолковать, как искать человека, только он мне сразу форменный допрос.

– Твоя фамилия, значит, Жамин?

– Это как посмотреть, – меня заело, однако отвечаю правильно. Жамин и не Жамин.

– Как тебя понимать?

– Вот так. По паспорту Жамин.

– А на самом деле?

– Каб я знал!

– Крутишь? Тебе лучше всего сейчас говорить правду.

– Зачем тут масло наливать?

Сонцу, конечно, все это не обязательно, только я не крутил вола. Меня в войну подбирали где-то пацаненком – и в Сибирь. Я ничего и никого не помнил, а когда подрос в детдоме, ребята рассказали, что фамилии нам давали по газете. Какую встретят в заметке, такую и дают. День рождения всем поставили одинаковый: седьмое ноября, а год брали с потолка, как врачу показалось. Место рождения тоже записали по детдому: Камень-на-Оби, хотя в натуре я, может, в Киеве или в Минске родился.

Этот бабай тянул из меня жилы почище прокурора или следователя. На допросах-то я бывал, только вкручивать баки никогда не требовалось. Первый раз попал по своей воле – сам застрогал одну штуку, чтобы сесть. А вышло так. После детдома я в МТС учеником слесаря мантулил и все рвался куда-то. Как бога, ждал паспорт, но когда год подошел, МТС ликвиднули, а нас – в колхоз. Потом всех моих детдомовских корешков позабрили, а меня из-за плоскостопия по чистой.

Рядом шла стройка, и я думал, хотя бы туда, а оттуда, может, и в город. Мне колхоз набил оскомину, и я бы из него в любой момент, потому что нигде не был и ничего не видел. Сплю и вижу другие края, вроде такие, в каких я родился, а дать винта не могу – безглазый, паспорта нет. Тогда я придумал себе статью, чтоб недолго трубить. Стырил в автоколонне домкрат и ночью поддомкратил ларек.

Что ларьковая продавщица была первая воровка, это вся стройка знала, но я-то лишь четыре бутылки водки зацепил, сколько влезло в карманы. Забрался на чердак и надухарился по завязку. Проснулся, никто не приходит. Тогда я покидал бутылки на дорогу, и меня забарабали тепленького. Ну, дело было ясное, и я говорил как по-писаному, потому что все заранее обмараковал.

А тут совсем другое. За меня состроили и требуют под свою туфту моих показаний. Получалось интересно: тогда я должен был говорить правду, чтоб сесть, а теперь не мог ни в чем врать, чтоб зря под срок не подвели. Самое поганое, всякая мелочь играла против.

– Почему у тебя брови оббиты? – прилип Сонец.

– Ободрался в лесу.

– А почему глаз заплыл?

– Клещ впился, – отвечаю. – Выдрал его, а вокруг пухнет.

Тут я ему, конечно, арапа заправил. Клеща-то я вытащил, да только из подмышки, а глаз раздуло совсем по другой причине. По той же причине челюсть болела, и брови запеклись.

Ведь мне эти экспедиционники хороших пачек кинули, когда я вышел на Белю. Говорю им, если инженера нет, пойдемте его все искать, а они на буксире меня в кусты, с глаз долой, обшарили всего, финку отобрали и давай валять. Другое дело, если бы моя бражка была тут, а так я только зубами скриплю: «Ладно, бейте, гады, бейте!» Один халявый такой козел, однако мосластый, врезал прямо по глазу. Стало все равно, и я уже не видел, кто это меня сапогами. Долго метелили, потом бросили, чтобы собираться на поиски Легостаева.

По голосам я узнал, когда подались они в горы, хотел с ними, да не мог с карачек, голова была дурная. Потом алтаец поднял меня и повел к поливным желобам обмыть мне сопатку. Я молчу, а он кроет по-своему, только иногда бормотнет знакомое слово. Мировой мужик, он у нас в партии проводничил первые дни. Алтаец отвел меня к себе в чум и положил на лошадиный потник. Через боль я вспоминал реку, на которой мы разбрелись с инженером, думал, как все получилось, и что это была за река. На маленьком перевале я подождал его и спросил, какой тропой двинем, потому что тропы там плелись как попало. Одна стежка шла направо, вроде бы к соседнему гольцу, а другая приметно брала левее, в падь.

- На Кыгу? – спросил Легостаев, он тоже не знал этих мест.
- Черт их разберет! – сказал я. – Кыга, Камга... Жрать охота!
- А эта тропа в гольцы, наверно?
- Может, на Абакан?

Мы перебрадили светлый ручей, напились, снова пошли. Проклятые эти, обманные горы! Куда бы легче, если б тропа как взяла на низ, так и пошла. А то чуть спустишься, снова на подъем. Нырками скоро не уберешь высоту, и мы чумовые сделались от такой дороги и от солнца. В одном месте нас повело еще правей, и торная тропа, которую мы выбрали в развилках, круто пошла вниз. Впереди зашумело, и не так впереди, как внизу, и я понял, что этот шум от реки. Лес обступил кругом, закрыл небо, а тропа все больше падала, даже за кусты надо

было держаться. Река бурчала совсем рядом, и от скал поверху отбивало. У воды мы легли. Потом я отдышался и сказал, что это не та тропа, и куда сейчас идти?

– Да пойдем! – ответил инженер, будто ему было все до фени.

Тропа нырнула в воду. Как ее понять? По пути в эту дырищу она не раз пускала отводки, тут все было исхожено зверем.

– Озеро собирает воду, – сказал я. – Больше ей отсюда некуда деваться. Рекой пойдем?

Инженер сказал, что вдоль реки не собьешься, и начал философничать, что вода, мол, среди этих камней выбирает самый легкий путь, и вверх-то она уж не побежит, как тропа. Они все замучены своим образованием.

Мы попили из реки, перемотали портянки и полезли через кусты, траву и колоды. Без тропы дело хреново пошло. Нога ступала ощупкой, крутяк зря срабатывал силу. И надо было продираться верхом, потому что понизу стены падали в реку. Я чапал поверху, кричал, а инженер откликался. Потом перестал слышать – и назад. Легостаева не было нигде. Позырил, покричал с полчаса, даже охрип. Как выбился к озеру, долго вспоминать. Лез ночью, ссыпался в одном месте и малость офонарел. Вышел поутрае к устью Кыги...

Ночевал я в чуме этого Тобогоева. Алтайцы на огородах ставят берестяные балаганы для лета, никак не отвыкнули. Однако в чуме не дует, можно. За ночь я оживел, стал шевелиться. Один глаз не смотрел, все же экспедиционники накидали мне чувствительно.

Алтаец картошки сварил прямо в чуме, на костре, мы пообедали и попили чаю с березовой чагой. Тут скоро приплыл Сонец. На первый допрос он собрал остаток людей, при свидетелях начал мне подкладывать мокрое дело, и я его бортанул по-свойски, хотя и струсил. Получалось, что я первый раз попал в переплет из-за паспорта и сейчас паспорт примешивался. А почему Сонец подумал, что я клюнул на бумаги Легостаева, скажу. Один раз в поселке трепанулся бухарикам с экспедиции, что неплохо бы занять чистенькие ксивы, куда хочешь, мол, на работу примут. Но чтоб я пошел на мокрое дело из-за чего-нибудь? Этого не смогу.

Сонец долго надо мной куражился. Спрашивал, сколько я заработал, почему не зарегистрирована финка, и какая была река, на которой мы разошлись с инженером. Я сказал, что напоследок шел Кыгой, новерху перелезал ее не раз, и еще какие-то речки попадались, не знаю, потому что голова потеряла направление. Надо бы двигать в те места и шуровать всем народом. Алтайцев пустить, они в тайге след находят по одной согнутой травинке, гад буду. Это я за Тобогоевым замечал, нашим бывшим проводником, который меня тут избитого подобрал. Да и я бы пригодился, только Сонец приказал мне сидеть в Беле и ждать своей судьбы.

Я еще ночь пролежал в чуме, грелся костерными угольками, переживал, а к утру пришли спасатели. Голодные и злые, никого не нашли. Они опять меня за жабры. Новый допрос – с повторами про паспорт и мое увольнение.

– Все равно тебе крышка, Жамин, если не найдем! Лучше говори.

Я молчу, потому что говорить нечего, а на бас меня не возьмешь.

– Откуда кровь на финке?

– Белок обдирал.

– Ха, белок! Зачем?

– Мы их варили и ели, – отвечаю.

– Что же вы там совсем оголодали? – вступил тут Сонец. – Как так можно?

– Консервы прикончили еще на прошлой неделе, а без мяса пилу не потянешь. Вот бельчатину и рубали...

– Ну, тоже нашли мясо!

– Все ж таки.

– Хватит, Жамин, – Сонец, как вчера, подошел ко мне и зырит так, будто я у него косую зажал. – Хватит! Ты нам ответь на один только вопрос. Ты, значит, решил уволиться досрочно?

– Ну.

– Почему?

– Вся бражка решила, – говорю.

– Нет, я спрашиваю, почему? – крикнул он.

– Да рази вам объяснишь?

– А ты объясни, – не отстает этот живоглот.

– У вас работа кончается, так?

– Ну, так.

– А мы до конца лета хотим еще куда-нибудь наняться. Чтобы простоя не было, кобылка меня заранее послала.

– Вон в чем дело! Ясно. Ты ври, да думай. Вот тебе последний вопрос. Как я могу тебя отпустить без разрешения начальника партии? А? Как?

– Ау меня заявление.

– И оно подписано Симагиным?

– Все по форме.

– Показывай.

Я отвернулся, молчу и думаю, что все равно ничего не докажешь, а для законного следствия надо сохранить бумагу, которая была у меня в записке, за подкладом кепки.

– Покажи! – кричит Сонец и опять ко мне близко подходит.

Плевать я хотел на этот крик, но задумался. И хоть прошел высшую школу жизни, вдруг решил отдать мой единственный документ. Он меня мог выручить потом, а Легостаеву помочь сейчас. Мне тошно стало от всей этой бузы, от того, что поискали человека день и бросили, а сейчас будто не собираются никуда, в меня вцепились. Думал, скорее поверят мне, если увидят заявление. Сонец долго вертел его перед носом, потом спрятал в бумажник и давай командовать своими. Одного туда, другого сюда, все засевались по палаткам, а сам Сонец побежал на рацию, которая передает отсюда погоду в Новосибирск.

Гляжу, снова налаживаются в горы. Разбились на две команды, чтоб насквозь прочесать Кыгу, кто-то поехал на коне звать с покосов алтайцев. Я услышал, как Сонец закричал: «Когда жизнь человека в опасности!..» Тут я подошел к палаткам, говорю:

– И я с вами...

А они отворачиваются. Решить, что ли, это дело некому? Или им неудобно, что они вчера ваяли меня в стае?

– Буду припоминать дорогу...

Может, они все еще думают, что я Легостаева пришил? Или заведу их куда не надо? А того не дотумкают, что мне всех нужней живой Легостаев. Иначе припухнешь, потому что ничего не докажешь.

Потом смотрю, уходят. Рюкзаки консервами набили, ружья у некоторых. Сели на катер, алтайцы собак заманили. До Кыги тут всего километров десять, если берегом, по бомам, как я бежал, а водой еще ближе. Сонец был с ними. И я к берегу тоже спускался чужаком, думал, в последний момент возьмут. Сидел от них недалеко, смотрел на озеро и слышал, как Сонец звонит своим, будто они пацаны: самим, дескать, не пропасть, на скалах надо глядеть особенно, отвечай потом за каждого. И еще сказал, будто затребовал по радио вертолет. Пока стоит погода, забросят в нашу партию продукты и будут держать машину на озере, хотя это и дорого. Один перегон из Барнаула чего стоит, да тут, мол, за каждый час сто двадцать рубликов гони. Тьфу, гадский род!..

На экспедиционников-то я сердца не имел, их тут Сонец зажал, а его я бы от людей отстранил, он не умеет. Ладно там я, меня он считает за плевков, который можно растереть сапогом, но другие-то люди другие. Начальника партии Симагина, что нас нанял, мы приняли еще как. Мужик правильный. А я понял по разговорам в партии, Сонец его за что-то ест. И Легостаев тоже для пользы народа много сделать хочет – это слова Симагина, с которым я один

раз о политике и жизни говорил. Да и меня Сонец не понимает, я в душе не такой. Меня знает моя Катеринка да ребята с артели...

Катер уплыл, и я поднялся наверх, в пустой чум. Где Тобогоев? Потолкался у пустых палаток, с кухаркой балакать было не о чем. Потом увидел алтайца на огородах. Сморщенный, легонький такой мужичок, будто усох на солнце. Решил к нему, потому что идти было некуда. Он пасынковал помидоры и пускал к ним воду. Сюда бежит с гольцов ручей. Его где-то повыше взяли и тут распределяют. Я попил из желоба. Тобогоев дал мне закурить и сказал:

– Почто топчешься? Садись.

– Может, надо было тебе поговорить с Сонцом?

– С ним говорить – воду лить. Он меня прогнал.

– Куда прогнал?

– Договор был – до конца проводником, а когда я партии развел и тропы указал, Сонц говорит: «До свиданья, не надо». Плохой начальник.

– Зараза!

– Баба болеет, и лесничий на казенный огород меня поставил. А мой огород – тайга. Этот помидор я не ем...

– Какая еда! – сказал я.

– Алтайцу тайгу давай.

– Это уж кому что.

– Ко мне даже не подошел, – с обидой сказал Тобогоев. – Всех наших с покоса снял, а меня не видит. Не нужен.

– А почему он меня не взял? – спрашиваю. – Как думаешь?

– Плохой разговор слышал?

– Нет.

– В поселке тебя милиция ждет.

– Иди ты!

– В тайгу тебе нельзя, потому что уйдешь.

– Куда?

– К тувинцам или в Монголию, мало ли...

– Вот гад!

Если дам деру – значит, я в пузыре? И не потому ли они меня с собой не берут, чтоб я тут надумал смыться? До чего же паршиво получалось! Так мне всю дорогу не светило. Когда выскочил и паспорт заимел, в городе на работу нигде не брали, а от деревни меня отшибло еще раньше. Завербовался в Томскую область на лесоповал, но за зиму там кончили хорошие леса, и заработки наши плакали. Народ начал подрывать из леспромхоза, и я не устоял. Сезон у геологов шурфы кайлил, осенью подался в Горную Шорию бить шишку. Помотало-помотало меня по Сибири, потом один мужик сблатовал в Россию, на рыбные промыслы. Думаю, все поближе к родине. Недалеко от Астрахани взяли меня на завод и приставили к зюзьге. Это такой черпак с сеткой. Тысячу раз за смену возьмешь черпак с живой рыбой наперевес, а к вечеру дрожь в коленках, и плечи до сегодня ведет от этой чертовой зюзьги...

– А где ты его потерял? – спрашивает алтаец. – Далеко от большого перевала?

Взялся я объяснять, а сам чую, что неправильно толкую. Он засек это. – Не так, однако, – говорит.

– Может и не так. Ночь сразу же упала.

Тогда Тобогоев спрашивает, почему я не стал искать инженера. Говорю, что искал, кричал долго, но потом кричать стало нечем, осип, и эту речку не переорешь.

– Какая речка?

– А я знаю? Кыга, не Кыга...

– Как выходил?

Объясняю и опять вроде путаюсь. Я ведь там сорвался ночью, сильно ударился головой, но цел остался. Сонецу, повторяю, про свой глаз и свои синяки насвистел, потому что били меня такие же работяги, которых экспедиция привезла с собой, а на людей я никогда не капал и мог их понять. А тогда от падения одурел, вылупил шары и полез – не знаю куда, только лишь бы подальше от этой бешеной речки. Потом смекнул, что могу по новой загреметь. Костер запалил, сел отдыхать и все оглядывался – вдруг прибудит к огню Легостаев. Не дождался, подумал, что он давно уже дунул к озеру. Когда зори сошлись, я полез дальше. Поверху лбы огибал, все руки поободрал, ручьев перебродил штук несколько, речку какую-то перепрыгал над пеной, по сыпучему камню спускался. Потом в развилке гор увидел Алтын-Ту – огибал, такая приметная обрывная гора стоит на той стороне озера. Это, кажись, девятого было, ну да, девятого...

– А сегодня какое? – спрашиваю Тобогоева.

– Одиннадцатое вроде, – говорит он и смотрит на меня черными и косыми глазами, в которых ничего не поймешь. – Однако, пойдем?

– Куда? – спрашиваю, а самого вроде жаром окинуло. – Куда пойдем?

– Инженера искать, – он так же непонятно на меня смотрел. – Найдем, однако...

Много чего я хотел сказать алтайцу, но ничего не сказал. Просто не мог, потому что от волнения начало душить. Алтаец допетрил, что со мной неладно, ушел, а я остался сидеть на огороде и думать. Что я за слабак? Чуть чего – и уже готов, спекся, как баба. Правда, я никогда не допускал такого, как некоторые психи в лагерях – начифируются и давай выть по-собачьи, колотить головами о землю. Но расстроить меня – пара пустяков.

По мне, можно год или больше жить без людей, лишь бы потом встретить человека. А как встречу, сразу слабею. На этом меня, между прочим, и Катеринка моя прикупила. Я запил там, на рыбных промыслах, а она раз нашла меня ночью в грязи и затащила к себе в барак. Отмыла, пластырей налепила, постирала с меня рубаху, а я был так нагазован, что даже не видел ее. Утром приходят с ночной вахты рыбацки, гонят меня и говорят, что это Катька-дура со мной отваживалась. «Какая Катька?» – думаю себе.

С утра на зюзгу встал, а в обед рванул к протоке, где у завода была постоянная тоня. Попал как раз к притонению. Бежной конец уже завели, и бригада выбирала невод. Бабы и девки шлепали судаков в прорезь, кричали и смеялись, хотя ничего веселого в их работе не было – в воде целый день, руки голые на холодном ветру, и резиновая спецовка тоже холодит. Кроме того, на красную рыбу уже запрет пришел, осетров за уши выкидывали в реку, а на сорной мелюзге не зарабатываешь. Рыбацки увидели меня, и давай над моими пластырями скалиться, но я не уходил, глядел, чтоб угадать, какая из них Катька...

Из-за нее я пить тогда бросил, а ее еще больше звали дурой. Она была не то чтобы красивая, но плотненькая, все на месте, и меня законно понимала. А Катькой-дурой ее звали за честность. Другие девчонки начинают гулять в пятнадцать лет, а Катеринка была чистой. Мы расписались. Ребята говорили, что у них на промыслах многие бабы бесплодные, и не от какой-нибудь там радиации, а от глубокого стояния в холодной воде, но получилось так, что моя Катеринка сразу понесла, и родился сын, ушлый и ядреный, второй я. Куда я мог от них? Комнатенку отдельную нам в бараке дали, и я даже забурел слегка. Но скоро все пошло наперекосяк. Из-за моей непутевости да из-за Катеринкиной честности во всем.

Перед Октябрьской распорол я семенную, запретную белугу и замазку, икру то есть, загнал астраханским барыгам. И не для того, чтоб жировать, а хотел рождение сына справить и зараз свой день рождения отметить хоть раз в жизни. Другие с замазкой не такое устраивали, даже бригадиры и рыбнадзор, только им сходило, а я засыпался. Попал под венец, дали год принудиловки по месту работы. Катеринка от позора глаз никуда не казала, донимала меня: «Отработаем», – но я переупрямил ее и твердо решил от этих камышей и от этой рыбы, которую больше черпаешь, чем ешь, смотаться куда-нибудь. Она догнала меня в Астрахани вместе

с огольцом и шмутками. Я подумал, что в Сибири меня не срисуют, а мелочиться не будут, общин розыск не объявят.

Приехали в Бийск, сняли частную комнату. И вдруг в самый неподходящий момент Катеринка моя объявляет, что это она продала меня рыбнадзору и местному комитету. Тут я ее первый раз дурой назвал, и еще хуже, и даже смазал разок, а она – ни слезинки. Сказала только, будто уже написала на рыбзавод, что мы будем платить за погубленную матку. Я плюнул и уехал в Кош-Агач, где нанялся гнать по Чуйскому тракту стадо монгольских овец на убой.

Там я примешался к компании дружков; и скоро, так вышло, будто это они образовались возле меня. Свои в доску мужики, только я стал окончательно слабый и легко поддавался всему. Водка вошла в обязательность, если у кого-нибудь из нас в кармане бренчало. Катеринка моя совсем извелась от этого. Она жила большей частью без меня, приспособилась авоськи вязать да загонять их возле вокзала, хотя это были не монеты, а кошачьи слезы. У меня тоже совесть есть, я ей посылал, и за ту проклятую икру она быстро и сполна рассчиталась. Потом я для надежности уговорил ее подать на алименты. Она долго упиралась, но я потолковал с судьей, который меня с ходу понял и, хотя советовал совсем другое, обтяпал дело в два счета.

Постоянная работа, какую навязывал судья, не по мне. Халтурой можно больше зашибить, если повезет. Нас в этих местах зовут и «бичами», и «шабашниками», и «тунеядцами», и всяко, а шумаги платят хорошие, когда подопрет. Выходит, мы нужны? Кто еще в такую дырищу полезет, как не мы? Инженерам-то надо сюда по их науке, хотя работенка у них тоже не мед, и бабок меньше нашего выходит. Легостаева этого мы все зауважали, сжились с ним, потому что он никогда своей образованностью не форсил и ел, что ни сварить. Даже кедровок рубал вместе с нами последние дни да еще похваливал. Спокойный был мужик, без фасона.

Постой, что это я его хороню? Бродит, наверно, где-нибудь сейчас, – совсем запутался в этих чертовых горах. Четвертый день, что ли? А этот алтаец – законный мужик! Я уж собрался втихаря наладить в тайгу один, чтоб искать, пока не пропаду, потому что здесь мне все равно амба. Если не найдется Легостаев или окажется мертвым, запросто схватишь червонец – и труби...

Наверно, я бы еще долго чалился на огороде и думал про все, но показался Тобогоев. Его гавка подбежала раньше, обнюхала меня со всех сторон и поглядела на хозяина, будто чего сказала. У алтайца за плечами был сидор, а в руках палка.

– Пойдем, однако?

– К поварихе бы подсыпаться без шухера...

Таборщица с одного шепотка поняла, что мне надо. Насовала в руки стущенки и несколько банок тушенки, пачку вермишели, пачку сахара. В кустах я догнал алтайца. Он сказал, что тоже взял шамовки – две буханки хлеба, домашнего сыру и от вяленого тайменя хвост отрезал.

Тропа сразу же взяла круто, давай вилять в густой траве. Камней тут почти не встречалось. Березы стояли редко, солнца перепадало много. За этот месяц мне поднадоело темное, и березняк сейчас красиво раскрывался передо мной. Своим светом и легкостью он помогал идти, хотя было сильно в гору. Мировой лесок! На душе у меня даже очистилось от его чистоты, будто смыло все, что было в Беле. Но куда это мы? Потянули в сторону от Кыги, и я не понял, чего Тобогоев хочет.

– Тропа налево, да – налево! – крикнул я.

– Пускай, однако. К Баскону пошли.

– Зачем?

– Там близко.

– Докуда близко?

– А ты молчи, однако, береги силу. Я все места знаю, где человек может идти, а твой путаный башка ничего не знает.

Так он осадил меня, и я замолчал. Наверно, Тобогоев думает вылезть на гольцы туда, где горы собраны в кулак, сверху разобраться в этих путаных местах и в моей путаной голове, чтоб, может быть, от перевала взять след Легостаева. Не навстречу ему идти, как все спасатели, а следом. Это законно! Лишь бы с инженером ничего такого не случилось...

4. Виктор Легостаев, таксатор

Пришел в себя ночью. Живой. Холодно, и в ушах стоит рев от реки. Боли сразу не было, что-то не припоминаю боль. Чувствовал только, что щеку холодит камень-ледышка, а сам я скрюченный. Вскочил, но правая нога с хрустом подломилась подо мной, и я рухнул без памяти. Уловил мгновенное ощущение, будто наступил на ногу, а ее нет. Не помню, чтобы успел крикнуть, – просто прожгло насквозь, и опять наступила темнота, словно прихлопнуло гробовой доской. Воспоминание о той адской боли и захрустевших костях тело сохранит, наверно, до своего распада. И не знаю уж, почему не лопнуло сердце.

Что было после этого? Какие-то смутные ощущения, лоскуты незаконченных мыслей. Иногда меня словно бы сжимало в ужасной тесноте, иногда растворяло в бесконечном пространстве. То вдруг обступала боль со всех сторон, то собирало ее во мне, а временами счастливое, легкое забытие мягко несло меня ввысь и опускало назад, на землю, даже внутрь земли. Я будто бы начинал разгребать черноту и тяжесть руками, чтоб снова подняться и взлететь, но только слышал неясный грохот камней, что сыпались мне на голову и грудь, заваливали ноги, жгли их и почему-то, одновременно замораживали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.